

З-Р ВРС

Основатель Я. Г. Гуревичъ.

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ И ДѢЯТЕЛЕЙ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Я. Я. ГУРЕВИЧА.

1384||

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 2.

ФЕВРАЛЬ. 1912 г.

Золотая медаль на международной выставкѣ „Дѣтскій Миръ“ въ 1904 году.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1912.

Разысканія о К. Д. Ушинскомъ.

1. Когда родился К. Д. Ушинский.

Какъ это ни странно, но мы не знаемъ хорошенъко не только дня и мѣсяца рожденія К. Д. Ушинского, но даже и года. Въ некрологѣ его, написанномъ Т. Н. Мѣдниковымъ¹⁾, пользовавшимся, надо думать, очень хорошими источниками, показанъ 1823 годъ; въ болѣе обстоятельномъ некрологѣ, составленномъ Ю. С. Рехневскимъ²⁾, товарищемъ Ушинского по университету, говорится: «К. Д. Ушинский... родился въ г. Тулѣ, въ началѣ 1824-го года». Лучшій біографъ Ушинского, А. О. Фролковъ, повторилъ показаніе Рехневского, и оно перешло во всѣ послѣдующіе біографіи и біографическіе очерки К. Д. Ушинского.

Изучая труды и дѣятельность Ушинского, авторъ настоящихъ замѣтокъ пересмотрѣлъ много архивныхъ документовъ о немъ, но долго не получалъ разрѣшенія нужнаго вопроса. Въ формуларныхъ спискахъ о службѣ К. Д. Ушинского нигдѣ не указано время, когда онъ родился³⁾,—опредѣляется только, сколько ему лѣтъ ко времени составленія списка. Въ офиціальной перепискѣ нашлось, къ сожалѣнію, очень непріятное для біографовъ указаніе, что часть бумагъ К. Д. Ушинского погибла отъ пожара, бывшаго въ началѣ 60-хъ годовъ.

Переписка эта возникла въ 1867 году, когда К. Д. Ушинскому понадобились документы для опредѣленія своего старшаго сына Павла въ военную гимназію. Онъ пытался найти свои бумаги въ архивѣ Смольнаго института; на просьбу объ этомъ секретарь со-

¹⁾ „Народная Школа“ 1871 г., № 1, стр. 48—50.

²⁾ „Вѣстник Европы“ 1871 г., № 2, стр. 883—902.

³⁾ Въ одномъ случаѣ даже нашлось приписаніе на поляхъ, совсѣмъ невѣрное указаніе: „Родился въ 1825 году“, очевидно, поставленное кѣмъ-то по соображенію данныхъ о числѣ лѣтъ и времени составленія списка. Такъ какъ и то, и другое данное были не точны, то и получилась значительная ошибка.

вѣта, Л. Н. Бутовскій, сообщилъ 20 іюля 1867 года, что онъ пересмотрѣлъ его дѣло, но никакихъ документовъ не нашелъ.

Черезъ нѣсколько времени Ушинскій обратился въ Вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи, гдѣ онъ находился тогда на службѣ, съ просьбою о помощи въ разысканіи своихъ документовъ, адресуясь къ Н. И. Свѣчину, управляющему дѣлами канцеляріи. Письмо Ушинскаго (отмѣчено полученнымъ 21 августа 1867 года), кромѣ того, что указываетъ на безвозвратную потерю части его бумагъ, содержитъ и еще нѣкоторыя интересныя, касающіяся его, подробности, и потому мы приводимъ его здѣсь цѣликомъ.

«Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь,
Николай Ивановичъ»,

«Вы были такъ снисходительны, что изъявили готовность пособить мнѣ въ полученіи изъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ свидѣтельства о пропажѣ моихъ документовъ во время пожара 1862-го года. Мнѣ не хотѣлось утруждать Васъ этою новою мою просьбою, и я началъ самъ хлопотать; однако же теперь вижу, что безъ пособія Вашего мнѣ этого дѣла не сдѣлать. Изъ прилагаемой при семъ бумаги видно, что всѣ документы мои изъ Ярославскаго Лицея, гдѣ я началъ свою службу, были отосланы къ Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для препровожденія въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ, куда я поступалъ по Департаменту Духовн. дѣлъ Иностран. Исповѣд. Я послалъ прошеніе къ Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, прося увѣдомить меня, были ли дѣйствительно отосланы мои документы, когда и подъ какимъ номеромъ, чтобы уже на основаніи этого увѣдомленія обратиться къ Министерству Внутреннихъ дѣлъ; но вотъ въ теченіи пяти недѣль напрасно жду отвѣта изъ Москвы. Между тѣмъ сынъ мой выдержалъ экзаменъ во вторую военную гимназію, классы тамъ начались, а его не допускаютъ къ урокамъ, требуя, чтобы я представилъ копію съ протокола о дворянствѣ или, по крайней мѣрѣ, увѣдомленіе отъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ о пропажѣ моихъ документовъ, послѣ чего сына моего допустятъ въ классы, а мнѣ дадутъ четырехмѣсячный срокъ для переписки съ Черниговскимъ Депутатскимъ собраніемъ. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ я рѣшился обратиться къ Вашему Превосходительству съ моей всепокорнѣйшею просьбою пособить мнѣ въ этомъ дѣлѣ Вашимъ благосклоннымъ участіемъ».

«Конечно, я не приминулъ бы явиться лично къ Вамъ по этому дѣлу; но захворалъ, и докторъ требуетъ, что бы я еще дня три

оставался въ постели, а между тѣмъ время можетъ уйти и сынъ мой не поступить въ училище. Будьте милостивы и пособите! Печатаніе моей книги¹⁾ идетъ довольно медленно, но безъ остановки».

«Надѣясь на Вашу постоянную благосклонность ко мнѣ, позволяю себѣ выразить все глубочайшееуваженіе и совершенную преданность, съ которыми честь имѣю быть.

Вашего Превосходительства

всепокорнѣйшимъ слугою К. Ушинскій».

„1867 г. 18 Августа. Павловскъ“.

Нужные документы всѣ оказались въ Департаментѣ Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій М. В. Д.; они были получены въ IV отдѣлѣніи и выданы Ушинскому въ сентябрь 1867 года, о чёмъ свидѣтельствуетъ его собственноручная расписка на одной изъ бумагъ, касающихся этого дѣла: «Получилъ съ величайш(ей) благодар(ностью) всѣ необходимыя мнѣ бумаги. К. Ушин(скій)». Какія именно бумаги получены въ этомъ случаѣ, здѣсь не обозначено, не видно этого и изъ переписки съ вѣдомствами. Можно сказать только, что разыскивались: 1) копія съ протокола о дворянствѣ, 2) атtestатъ объ окончаніи университетскаго курса, 3) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи и 4) формулярный списокъ о службѣ. Метрическое свидѣтельство Ушинскаго, неизвѣстно гдѣ находящееся²⁾, дало бы точную дату его рожденія и избавило бы біографовъ отъ ошибочныхъ и неопределенныхъ указаний.

Вопросъ о времени рожденія нашего знаменитаго педагога, къ счастію, разрѣшается вполнѣ ясно однимъ документомъ, находящимся въ архивѣ Московскаго университета. Къ нашей просьбѣ, направленной къ бывшему ректору названнаго университета, профессору Мануилову, отвѣтить на нѣкоторые вопросы, касающіеся поступленія К. Д. Ушинскаго въ Московскій университетъ, профессоръ Мануиловъ отнесся съ большой внимательностью, и при его посредствѣ мы получили изъ университетскаго архива цѣнныя свѣдѣнія объ учебныхъ годахъ Ушинскаго. Изъ нихъ копія съ выданнаго ему изъ гимназіи выпускного свидѣтельства является наиболѣе важнымъ для насъ документомъ, такъ какъ она показываетъ, что *К. Д. Ушинскій родился въ городѣ Туле 19-го февраля 1823 года.*

Приносимъ искреннюю и глубокую благодарность бывшему ректору Московскаго университета А. А. Мануилову за просвѣщенное

¹⁾ Педагогической антропологіи.

²⁾ Можетъ быть, оно находится во 2-мъ Кадетскомъ Корпусѣ.

содѣйствіе, которое онъ оказалъ намъ въ разысканіяхъ о незабвенномъ педагогѣ. Внимательность ректора университета явилась для насъ особенно дорогою послѣ того, какъ г. директоръ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, на аналогичную просьбу дать нѣсколько отвѣтовъ объ учебныхъ занятіяхъ Ушинскаго въ той гимназіи, которая имѣла честь его учить и воспитывать, отвѣтилъ совершеннѣмъ молчаніемъ. Послѣ этого въ газетахъ мы читали, что Новгородъ-Сѣверская гимназія сгорѣла. Сохранились ли въ ней теперь какія-нибудь свѣдѣнія о К. Д. Ушинскомъ?

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы свѣдѣніе о времени рожденія К. Д. Ушинскаго было провѣreno по церковнымъ книгамъ и результатъ провѣрки оглашенъ въ печати. При точномъ указаніи города, дня, мѣсяца и года сдѣлать это нетрудно.

2. Выступленіе Ушинскаго на педагогическое поприще.

Первоначально популярный юристъ-профессоръ, затѣмъ талантливый журналистъ, К. Д. Ушинскій переходитъ въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ на поприще педагога, прочно на немъ останавливается, оказываетъ огромныя услуги дѣлу русского воспитанія и образования, приобрѣтаетъ почетную всероссійскую извѣстность, дѣлается историческимъ лицомъ, человѣкомъ, которымъ русскіе могутъ гордиться, какъ нѣмцы гордятся своимъ Песталоцци.

Естественно интересоваться тѣмъ, что привело его на этотъ славный путь. Лица, писавшія о переходѣ К. Д. Ушинскаго къ педагогической дѣятельности, объясняютъ причины этого перехода не совсѣмъ одинаково. А. Т. Фроловъ сообщаетъ, что срочный и непрерывный журнальный трудъ, плохо оплачиваемый, требующій работы по ночамъ, тяжело отзывался на некрѣпкомъ здоровье Ушинскаго; не могло удовлетворить его и несамостоятельное положеніе въ журналѣ, обрекающее его на роль литературного поденщика. Вотъ почему онъ нашелъ себѣ педагогическую службу въ Гатчинскомъ институтѣ, а тамъ его увлекли педагогическіе вопросы послѣ того, какъ онъ разыскалъ въ институтѣ библиотеку Гугеля. Объ этой находкѣ Ушинскій и самъ впослѣдствіи писалъ съ восторгомъ, указывая, какъ много онъ долженъ ей своимъ педагогическимъ образованіемъ: «Это было въ первый разъ,—говоритъ Ушинскій,—что я видѣлъ собраніе педагогическихъ книгъ въ русскомъ учебномъ заведеніи. Этимъ двумъ шкафамъ я обязанъ въ жизни очень, очень многимъ, и, Боже мой! отъ сколькихъ бы грубыхъ ошибокъ былъ избавленъ я, если бы познакомился съ этими двумя шкафами прежде, чѣмъ вступилъ на педагогическое поприще! Человѣкъ, за-

ведшій эту бібліотеку, бытъ необыкновеннымъ у насъ человѣкомъ. Это едва ли не первый нашъ педагогъ, который взглянуль серьезно на дѣло воспитанія и увлекся имъ. Но горько же и поплатился онъ за это увлеченіе! Покровительствуемый счастливыми обстоятельствами, онъ могъ нѣсколько лѣтъ приводить свои идеи въ исполненіе; но вдругъ обстоятельства измѣнились,—и бѣднякъ-мечтатель окончилъ свою жизнь въ сумашедшемъ домѣ, бредя дѣтьми, школой, педагогическими идеями... Разбирая эти книги, исписанныя по краямъ одною и тою же мертвую рукою, я думалъ: лучше было бы, если бы онъ жилъ въ настоящее время, когда уже научились лучше пѣнить педагоговъ и педагогическая идеи».

Біографъ Ушинского справедливо указываетъ, вслѣдъ за приведеною выпискою, что «подъ вліяніемъ членія сочиненій изъ бібліотеки Гугеля для Ушинского вполнѣ ясно опредѣлилось его призваніе». Затѣмъ онъ разъясняетъ, что въ срединѣ пятидесятыхъ годовъ русская литература обратила вниманіе на педагогические вопросы, къ которымъ и общество обнаружило большой интересъ; явились почти одновременно два педагогических журнала, и въ одномъ изъ нихъ, «Журналъ для воспитанія» Чумикова, К. Д. Ушинскій принялъ дѣятельное участіе ¹⁾). Словомъ, А. ѡ. Фролковъ ставитъ направленіе Ушинского къ педагогической дѣятельности въ связь съ освободительнымъ и культурно-просвѣтительнымъ движениемъ, возникшимъ у насъ послѣ несчастной войны въ началѣ новаго царствованія, означеневшаго себя крупными государственными реформами.

Это объясненіе, основанное на приведенномъ показаніи самого Ушинского, нужно признать вполнѣ правильнымъ. Педагогъ-реформаторъ вышелъ на педагогическую дорогу, когда началась эпоха великихъ реформъ, и всего себя отдалъ дѣлу воспитанія и обученія русскихъ учениковъ и учителей, работая съ напряженіемъ и увлеченіемъ, которыя привели его къ ранней могилѣ.

Къ этому объясненію нужно прибавить еще указаніе на семейное положеніе Ушинского, которое, несомнѣнно, тоже привлекало его, какъ и Пирогова, къ педагогическимъ вопросамъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ онъ женился; 12 октября 1852 года у него родился старшій сынъ, Павелъ. Извѣстно, какое дѣятельное участіе принималъ К. Д. Ушинскій въ воспитаніи и обученіи своихъ дѣтей. Приготавляя въ гимназію старшаго сына Павла, К. Д. Ушинскій пригласилъ для него нѣсколько учителей и, хотя самъ былъ зава-

¹⁾ А. Фролковъ, К. Д. Ушинскій. Краткій біографический очеркъ, стр. 20—22.

лень то служебной, то литературной работой, однако, часть уроковъ принялъ на себя. Когда на экзаменѣ законоучитель гимназіи, довольно прекрасными отвѣтами мальчика, спросилъ, кто его готовилъ по Закону Божію, то [получилъ отвѣтъ, что его готовилъ отецъ. Лучшая дѣтская книга Ушинскаго, «Родное Слово», вырабатывалась въ кругу его семьи; она отражаетъ знакомые и родные его дѣтямъ природу и обычаи Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда; въ увлекательныхъ «дѣтскихъ воспоминаніяхъ» «Родного Слова», перешедшихъ и въ другія наши хрестоматіи, даются картинки изъ жизни семьи самого К. Д. Ушинскаго. «У нашихъ кроватокъ лежали подарки»,—говорится въ воспоминаніяхъ 25-го декабря:—«я получилъ книгу съ картинками и краски; Вѣра и Надя—новыя куклы, Костя—лошадку, а Воля барабанъ, и барабанилъ Воля до тѣхъ поръ, пока у барабанщика руки перестали подыматься». Здѣсь имена дѣтей—названныя по возрасту младшія дѣти К. Д. Ушинскаго; можно думать по этому, что воспоминанія эти написаны отъ лица его старшаго сына, Павла. Часть педагогическихъ сужденій и наблюденій Ушинскаго основана на изученіи его собственныхъ дѣтей.

Все это вмѣстѣ заставляетъ признать, что семейныя отношенія и обязанности были далеко не маловажною причиной привлеченія К. Д. Ушинскаго къ педагогической дѣятельности.

Наши замѣчанія и соображенія о вліяніи, которое имѣла собственная семья Ушинскаго на развитіе его педагогическихъ влечений, находятъ подтвержденіе въ указаніи одного изъ его друзей, приведенномъ въ некрологѣ Мѣдникова: «Это былъ честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, прекраснѣйшій семьянинъ, горячо любившій своихъ дѣтей и усердно заботившійся о ихъ образованіи... Часть своего дня онъ посвящалъ на умственное развитіе дѣтей, остальную же часть на самостоятельный литературный трудъ»¹).

Отъ А. В. Старчевскаго, бывшаго редакторомъ «Библіотеки для Чтенія», въ которой одно время дѣятельно сотрудничалъ Ушинскій, пошло еще другое объясненіе перехода Ушинскаго на педагогическую дорогу²). Объясненіе это принимаетъ послѣдній біографъ Ушинскаго, М. Л. Песковскій, который пишетъ: «Еще лѣтомъ 1855 года, т.-е. на первыхъ же порахъ послѣ поступленія Ушинскаго въ Гатчинскій институтъ, редакторъ «Библіотеки для Чтенія» г. Старчевскій, отобравъ нѣсколько нумеровъ англійскаго журнала «Athenaeum», въ которыхъ были помѣщены статьи объ образованіи и

¹⁾ „Народная Школа“ 1871 г., № 1, стр. 49—50.

²⁾ Воспоминанія Старчевскаго объ Ушинскомъ напечатаны въ „Народной Школѣ“ 1885 г., № 1.

воспитаніи въ Америкѣ, послалъ ихъ Ушинскому въ Гатчину, съ просьбою какъ можно скорѣе перевести для журнала. Статьи эти произвели чрезвычайно сильное впечатлѣніе на Ушинского. «Зачѣмъ прислали вы мнѣ статьи объ американскомъ воспитаніи? — говорилъ Ушинскій Старчевскому, явившись къ нему въ какомъ-то необыкновенномъ экстазѣ. — Вращаясь постоянно въ училищномъ кругозорѣ, ознакомившись поближе съ дѣтьми, которыхъ надо развить, учить и воспитывать, я, по прочтеніи «Athenaeum'a» не могъ спать нѣсколько ночей! Статьи произвели страшный переворотъ въ моей головѣ, въ моихъ понятіяхъ, убѣжденіяхъ. Онѣ подняли въ моемъ умѣ цѣлый рой вопросовъ по воспитанію и образованію; навели меня на многія, совершенно новыя, мысли, которыя, безъ этихъ статей, пожалуй, никогда не пришли бы мнѣ въ голову. Я не знаю, что я сдѣлаю, что со мною будетъ, но я рѣшился посвятить себя съ этого дня исключительно педагогическимъ вопросамъ»¹⁾.

Къ этому объясненію перехода Ушинского на педагогической путь нельзя относиться съ очень большимъ довѣріемъ. Правда, здѣсь объясненію придана форма полной достовѣрности; о безвозвратномъ переходѣ на педагогическую дорогу горячо говоритъ самъ Ушинскій, но слова эти передаются А. В. Старчевскимъ почти черезъ 30 лѣтъ послѣ того, какъ они были сказаны. Естественно, что въ такой долгій срокъ можно было кое-что и забыть и смѣшать. Не отрицая справедливости свидѣтельства Старчевскаго въ частностяхъ (Ушинскій увлекался англійской и американской школой и литературой о ней, увлекался вопросами воспитанія вообще), не можемъ согласиться съ указаніемъ на быстрое, какое-то чудесное обращеніе нашего педагога на путь прославившей его дѣятельности.

Полагаемъ во всякомъ случаѣ болѣе основательнымъ искать объясненія занимающаго насъ вопроса въ условіяхъ времени, въ обстоятельствахъ личной жизни К. Д. Ушинскаго, а не въ тѣхъ или другихъ разсказахъ о случайныхъ впечатлѣніяхъ. При занимательности біографического разсказа нужно еще не сомнѣваться въ его точности, а въ этомъ отношеніи сообщеніе Старчевскаго не особенно цѣнно, такъ какъ оно не оправдывается фактами: прежде всего въ «Бібліотекѣ для Чтенія» совсѣмъ нѣтъ статей объ американскомъ воспитаніи ни за указанные, ни за близкіе къ нимъ годы²⁾; затѣмъ, въ статьяхъ Ушинскаго, касающихся англійского

¹⁾ М. Л. Песковскій, К. Д. Ушинскій. Его жизнь и педагогическая дѣятельность. Спб. 1892 г., стр. 29.

²⁾ Вероятно, воспоминанія Старчевскаго ввели въ заблужденіе и Д. Д. Семенова, который въ книгѣ „Памяти К. Д. Ушинскаго“, на стр. 94, писалъ,

и американского воспитанія, нѣтъ слѣдовъ происхожденія ихъ отъ «Атенеума», и они обыкновенно связаны съ англійскими книгами, а не съ журнальными статьями.

Во всякомъ случаѣ переходъ Ушинского на педагогическое по-прище не былъ для него какимъ-либо внезапнымъ переворотомъ. Онъ началъ педагогическую дѣятельность еще на студенческой скамьѣ; въ дневникѣ его 1845 года мы найдемъ уже указанія, какъ высоко ставилъ онъ и какъ серьезно понималъ педагогическія обязанности.

3-го февраля 1845 года онъ записалъ: «Сегодня день прошелъ въ занятіяхъ, но вечеромъ, на урокѣ у П., вошла madame П. и, посмотрѣвши на наше ученіе, вздохнула... Бѣдная мать!.. Этотъ вздохъ пристыдили меня. Мне кажется, она поняла мое шарлатанство. Этотъ вздохъ пристыдили меня больше, нежели могли бы это сдѣлать самыя злые насмѣшки. Можетъ быть, онъ относился совсѣмъ къ другому,—но, по крайней мѣрѣ, она вздохнула о дѣтяхъ... И я ее обманывалъ. Надо сдѣлать, что можно, по крайней мѣрѣ. Шарлатанъ! Проклятая бѣдность!.. Проклятое ничтожество характера!»...

Юноша Ушинскій, занимаясь уроками, можетъ быть, и не былъ лучше тѣхъ студентовъ своего и нашего времени, которые учатъ дѣтей, какъ умѣютъ, и берутъ деньги совершенно спокойно, какъ достодолжную заработную плату; но, конечно, онъ не былъ и хуже ихъ. Разница только въ томъ, что Ушинскій хорошо понималъ и живо чувствовалъ, какую тяжелую обязанность беретъ на себя всякий учащій,—и будучи очень требовательнымъ къ себѣ, испытывалъ настоящія мученія отъ педагогического неумѣнія, неудачъ и ошибокъ.

Большая нѣмецкая цитата изъ Гегеля о задачѣ воспитанія, записанная имъ въ томъ же дневникѣ вскорѣ послѣ этого, показываетъ, что мысль Ушинского уже тогда начинала работать въ педагогическомъ направленіи; только сложные и серьезные труды надъ изученiemъ юридическихъ наукъ не давали тогда возможности думать и работать для педагогики¹⁾.

Необходимо признать, что идеалистическая понятія о педагогической дѣятельности обнаружились у Ушинского рано: они сдѣлали его выдающимся популярнымъ профессоромъ въ Ярославскомъ Де-

что онъ съ наслажденіемъ читалъ статьи Ушинского объ американскому воспитанію въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1857—1858 года. Двѣ статьи такого рода были напечатаны только въ „Журналѣ для Воспитанія“ 1858 года.

¹⁾ „Собрание неизданныхъ сочиненій К. Д. Ушинского. Материалы для біографії“. Спб. 1908 г., стр. 34—35, 38.

мидовскомъ Лицѣ; они же заставили его бросить эту службу, когда его преподавательская дѣятельность встрѣтила административная стѣсненія. Тѣ же педагогическія стремленія заставляли его въ началѣ 50-хъ годовъ искать мѣста хотя въ уѣздномъ училищѣ и поступить затѣмъ въ Гатчинскій институтъ.

Философскія изученія и влеченія также подготавляли и располагали Ушинского къ педагогической дѣятельности; на эти занятія онъ и самъ послѣ указывалъ, какъ на непрерывныя, а известно, что они начались еще съ университета.

Надо помнить, что нашему педагогу была присуща манера рѣзко выражать свой взглядъ, свое чувство, и мы не должны понимать слишкомъ буквально его юношескихъ заявлений о своемъ шарлатанствѣ и позднѣйшихъ о своей неподготовленности,—словомъ, надо избѣгать той ошибки, какую сдѣлалъ редакторъ «Библіотеки для Чтенія», который, повидимому, слишкомъ буквально понялъ какую-нибудь горячую благодарность Ушинского за полученную отъ него интересную книгу.

Изучая исторію литературнаго развитія Ушинского, убѣждаешься, что умѣстнѣе говорить не о внезапномъ переходѣ его на педагогическое поприще, а о его замѣчательно быстромъ развитіи въ этомъ направленіи. До 1854 года онъ, можно сказать, стоялъ вѣнѣ педагогіи; въ 1854 году написалъ приводимую дальше небольшую рецензію съ нѣкоторыми педагогическими замѣчаніями, а въ 1857 году уже даетъ педагогической литературѣ рядъ замѣчательныхъ, оригинальныхъ статей. Въ 1859—61 году онъ составляетъ лучшую русскую учебную книгу, «Дѣтскій Миръ», до сихъ поръ еще сохранившую большое значеніе въ качествѣ учебнаго руководства; съ блестящимъ успѣхомъ производитъ реформу двухъ большихъ женскихъ учебныхъ заведеній, педагогически крайне неупорядоченныхъ, дававшихъ китайское воспитаніе и почти не задававшихся серьезными образовательными цѣлями; ведетъ педагогическій журналъ, который нужно признать лучшимъ въ Россіи. Катастрофа въ Смольномъ нѣсколько выбиваетъ его изъ занятой позиціи, но онъ находитъ въ себѣ достаточно мужества и силы для дальнѣйшей работы, и въ 1864 году появляется еще болѣе замѣчательная его дѣтская учебная книга, «Родное Слово»; въ 1868 году выходитъ первый томъ монументальнаго сочиненія: «Человѣкъ какъ предметъ воспитанія», а въ слѣдующемъ году издается и второй томъ.

Обращаясь къ исторіи пробужденія и развитія педагогическихъ влеченій Ушинского, одно необходимо признать за несомнѣнное: въ журналѣ А. В. Старчевскаго, «Библіотека для Чтенія», К. Д. Ушинскій выступилъ въ первый разъ, еще въ 1854 году, съ нѣкоторыми

любопытными педагогическими замѣчаніями по поводу книги Гюга Мюллера: «Моя школа и мои школьные учителя», на которую въ томѣ СХХV, въ отдѣлѣ «Смѣсь» (стр. 67—76) далъ свою рецензію.

Изъ рецензіи этой ясно видно, что Ушинскій могъ увлекаться педагогическими книгами и раньше того времени, на которое указываетъ Старчевскій.

Названная нами рецензія Ушинскаго должна считаться первою его статьею, затрагивающею вопросы воспитанія. Интересная въ этомъ отношеніи, она любопытна и по своему содержанію. Въ ней К. Д. Ушинскій высказываетъ одну изъ своихъ любимыхъ мыслей— о воспитывающемъ вліяніи природы, о чёмъ онъ такъ увлекательно говорить впослѣдствіи въ своихъ гимназическихъ воспоминаніяхъ.

Вообще интересно сравнить эти воспоминанія съ статьею о книгѣ Гюга Мюллера. Ушинскій выросъ въ обстановкѣ, не сколько сходной съ той, которая представлена въ этой книгѣ: среди богатой, ласковой природы, въ краѣ и семье, которые были полны историческими и фантастическими преданіями; отецъ его участвовалъ въ войнѣ 1812 года, отъ старожиловъ Новгородъ-Сѣверска онъ слышалъ воинственные преданія объ осадѣ города Самозванцемъ, защитѣ его Басмановымъ, шведской войнѣ, удаломъ казачествѣ, видѣлъ ясные остатки укрѣплений¹⁾; изъ дѣтства вынесъ знаніе множества сказокъ, которыя усвоилъ въ такой хорошей передачѣ, что впослѣдствіи находилъ въ печатныхъ редакціяхъ извѣстныхъ сказокъ разныя несообразности, которыя и исправлялъ въ текстахъ сказокъ, данныхыхъ въ «Родномъ Словѣ»²⁾.

Въ виду того, что эта первая педагогическая статья Ушинскаго не вошла въ собраніе его сочиненій, а журналъ «Библіотека для Чтенія» за 1854 годъ немногіе могутъ найти, мы испросили у семьи К. Д. Ушинскаго разрѣшеніе перепечатать названную статью въ «Русской Школѣ». Приносимъ семью К. Д. Ушинскаго за это разрѣшеніе нашу искреннюю и глубокую благодарность.

3. Первая педагогическая статья К. Д. Ушинскаго.

Моя школа и мои школьные учителя, или исторія моего воспитанія. Эдинбургъ (My schools and my schoolmasters; or, the story of my Educations By Hugh Miller. Edinburg).

Гюгъ Мюллеръ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые сами

¹⁾ Дневникъ, стр. 14—15.

²⁾ Руководство къ преподаванію по „Родному Слову“, ч. I, изд. 23-е. Спб., 1906, стр. 64.

образовали себя и сами проложили себѣ дорогу въ свѣтъ, не измѣнивъ въ продолженіе всего этого пути ни чести, ни своему благородному призванію. Дѣдушка мистеръ Мюллера былъ буканьеромъ или, попросту, морскимъ разбойникомъ, отецъ—матросомъ, и Гюгъ Мюллеръ, родившійся въ отдаленномъ шотландскомъ графствѣ Кромарти, въ 1802 году, назначенъ былъ тоже сдѣлаться морякомъ. Въ мальчикѣ проявилось съ первыхъ лѣтъ нѣсколько разбойничьихъ наклонностей дѣда, и онъ не задумался употребить силу своихъ мускуловъ для отраженія нападеній своего школьнаго учителя, но въ это же время онъ сдѣлался пожирателемъ книгъ и таскалъ ихъ откуда попало.

«Арабскія сказки», «Гулливерово путешествіе», «Путешествія капитана Кука», «Удольфскія таинства»—скоро перемѣшились въ его головѣ съ уроками учителей; кромѣ того душа его одарена была тонкимъ чутьемъ къ красотамъ природы. Онъ началъ подмѣчать привычки птицъ, оттѣнки цвѣтовъ и разбирать мало-по-малу таинственный языкъ, которымъ говоритъ природа человѣческому сердцу. Родственники его, изъ которыхъ иные сохраняли еще вполнѣ обычай горцевъ, были люди съ замѣчательными характерами. При такой обстановкѣ мальчику съ характеромъ и наблюдательностью Гюга Мюллера трудно было не встрѣтить на каждомъ шагу уроковъ, которые могли бы замѣнить съ избыткомъ школьнаго тетради. Вотъ одинъ изъ этихъ уроковъ, полученный Мюллеромъ, когда онъ забрался въ Дукотову пещеру, которая во всемъ скалистомъ Кромартскомъ Графствѣ, гдѣ много такихъ пещеръ, славилась обиліемъ своихъ таинствъ и чудесъ.

«Въ одно прекрасное весеннее утро я, вмѣстѣ съ моимъ не слишкомъ-то любопытнымъ другомъ, стоялъ на берегу, противуположномъ восточному мысу, который съ своимъ суровымъ гранитнымъ валомъ защищаетъ доступъ къ чудесамъ Дукота, а передъ нами, заманчиво завлекая настъ къ себѣ, разстилалась зеленоватая влага моря. Намъ казалось слишкомъ странно быть такъ близко отъ пещеры и не видать ея. Море было въ самомъ большомъ отливѣ, и если бы мы знали сущность приливовъ и отливовъ, то должны были бы отложить наши предпріятія до слѣдующей недѣли; но я зналъ только то, что мы съ дядей проходили здѣсь въ бродъ, и думалъ, что успѣю съ своимъ товарищемъ побывать въ пещерѣ и воротиться домой до начала прилива.

«Узкая и неровная отмель шла вокругъ скалистаго мыса, на который можно было взобраться только съ помощью рукъ и ногтей. Мы добрали до мыса и стали ползти на скалы; но чѣмъ далѣе мы пробирались, тѣмъ грознѣе открывались передъ нами пропасти, а

вода подъ нами казалась синѣе и глубже. Мы достигли другого конца мыса и стали обходить его по тропинкѣ, которая все становилась уже, а вода все синѣе, и остановились наконецъ на закраинѣ скалы, висѣвшей надъ моремъ на десять футовъ...

«Первые минуты мы провели въ самомъ истинномъ восторгѣ: широкая пещера казалась намъ неистощимымъ источникомъ чудесъ, и мы, кромѣ того, находили на каждомъ шагу предметы, достойные удивленія, на откосахъ спускающихся пропастей и во впадинахъ прибрежныхъ скалъ. Въ ползучихъ низкихъ кустарникахъ мы видѣли свидѣтельство вліянія брызгъ моря на растенія; тутъ росла блѣдно-желтая жимолость, которую мы видали прежде только въ садахъ. Въ глубокихъ впадинахъ отвесныхъ скалъ было много душистыхъ цветовъ и травъ, съ которыми мы не были знакомы. При самомъ входѣ въ пещеру, гдѣ маленький ручеекъ, едва пробираясь по камышкамъ, ниспадалъ каплями по обрывамъ скалъ, мы открыли острую и горькую цынготную траву съ миниатюрными крестообразными цветами, которыми капитанъ Кукъ пользовался въ своемъ путешествіи; но больше всего занимали насъ сами пещеры, откуда вылетали разноцвѣтные голуби и куда манила насъ таинственная глубина, гдѣ растенія превращаются въ камни, и вода становится мраморомъ. Въ весьма короткое время мы успѣли наломать нашими молотками множество сталактитовъ и окаменѣлаго моху и набили этими драгоценностями наши карманы».

Все казалось очаровательнымъ и волшебнымъ для смѣлыхъ дѣтей, забравшихся въ пещеру, гдѣ на каждомъ шагу представлялись имъ чудеса кристаллизациі; самые обыкновенные предметы пріобрѣтали новый, странный оттѣнокъ въ этомъ новомъ для дѣтей, очарованномъ мірѣ.

«Видѣ блестящей поверхности моря, рас простертаго въ безконечность, казался намъ необыкновеннымъ, потому что мы смотрѣли на него изъ глубины пещеры, гдѣ насъ окружалъ полный мракъ;—внезапно проносившіяся передъ нами морскія чайки, сверкавшія своими бѣлыми крыльями въ солнечномъ сияніи,—дельфины, плескавшіеся внизу,—даже голуби, появлявшіеся изъ мрака, когда попадали подъ солнечный лучъ,—все пріобрѣтало новый интересъ въ нашихъ глазахъ отъ особенности положенія, въ которомъ мы ихъ видѣли. Это были виньетки, позолоченные лучами солнца, оправленные въ черные рамки. Долго мы не могли опомниться отъ удивленія, глядя на все, что окружало насъ».

Мальчики такъ были отуманены окружавшими ихъ странностями природы, что, когда, спустя часъ послѣ полудня, море перестало уже падать и начало снова подыматься на скалы,—явленіе это по-

казалось имъ только одною изъ странностей волшебнаго мѣста, и они продолжали забавляться.

«Часы уходили за часами, тѣни вытягивались, а приливъ все росъ да росъ. Солнце спустилось за скалы, въ пропастяхъ стало темно, мракъ въ пещерахъ удвоился; но на верхушкахъ скалъ еще горѣлъ красный лучъ вечера. Отблескъ зари, гонимый мракомъ и освѣтившій еще на минуту кусты жимолости и можжевельника, росшіе на самыхъ верхушкахъ скалъ, исчезъ совершенно. Все утонуло во мракѣ. Дельфины, плеснувшись еще разъ, ушли въ свои подводные убѣжища; темный бакланъ, тяжело взмахивая крылами, пронесся въ свое гнѣздо; голуби, слетаясь со всѣхъ сторонъ, скоро исчезли въ своихъ пещерахъ,—все, что имѣло крылья, спѣшило домой; но ни у меня, ни у моего товарища не было крыльевъ. Мы дѣлали отчаянныя усиленія, чтобы взобраться выше на скалы, но, достигнувъ мѣстъ, гдѣ только птицы вили свои гнѣзда, куда еще, вѣроятно, никто и никогда не взлѣзалъ, и откуда наше возвращеніе дѣжалось почти невозможнымъ — должны были остановиться. А такъ-какъ темнота все увеличивалась и каждый неосторожный шагъ могъ намъ стоить жизни, то мы впали въ совершенное отчаяніе.

— «Я бы не заботился о себѣ,—сказалъ мой молоденькій товарищъ, заливалась слезами—еслибы не моя бѣдная матушка; но что скажетъ матушка?».

— «Не заботиться ни о чёмъ,—сказалъ я, самъ задыхаясь отъ тоски,—вода спадетъ, и мы воротимся назадъ».

«Мы забрались вмѣстѣ въ неглубокую и сухую пещеру и, очистивъ небольшое мѣсто отъ большихъ камней, набрали сухой травы и устроили себѣ кое-какъ весьма неспокойную постель, на которой улеглись, прижавшись другъ къ другу. Облака, подобныя горамъ, темныя и грозящія бурей, поднялись надъ моремъ; края ихъ еще были окрашены уже скрывшимся солнцемъ, и въ нихъ видны были всѣ степени собирающагося гнѣва, — начиная отъ огненнокраснаго цвѣта до темнаго, и отъ темнаго до зловѣщаго чернаго. А когда мы не могли уже болѣе ихъ видѣть, то ихъ грозный говоръ долеталъ до нашихъ ушей. Свирипый вѣтеръ печально завылъ и засвистѣлъ между скалами, и море, до-сихъ-поръ молчаливое, заревѣло и начало тяжело плескаться о скалы. Мы слышали, какъ дождь то усиливался, то стихалъ, смотря по тому, подымался или упадалъ порывъ вѣтра, и какъ стучалъ онъ на поверхности нашей пещеры.

«Мой товарищъ, впрочемъ, имѣлъ дѣло только съ дѣйствительнымъ бѣдствиемъ, и, если принять въ соображеніе жесткость нашего ложа и холодъ ночи, спалъ довольно покойно; но я былъ несчастнѣе

его, потому что долженъ былъ бороться еще и съ воображаемыми ужасами.

«За мѣсяцъ передъ тѣмъ, тѣло утонувшаго матроса найдено было на берегу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ мы теперь лежали. Руки и ноги трупа были скорчены судорогами, обвислая кожа бѣлѣла, какъ намоченная кожа барана; всѣ члены распухли, а вмѣсто головы была какая-то безобразная куча тряпокъ. Я смотрѣлъ на трупъ съ дѣтскимъ любопытствомъ и слишкомъ пристально для моего спокойствія; и теперь, хотя я не сдѣлалъ ни малѣйшаго вреда бѣдному матросу, онъ мучилъ меня въ эту ночь такъ, что если бы я былъ его убійцею, то не могъ бы мучить болѣе. Спалъ ли я или бодрствовалъ—онъ постоянно стоялъ передъ моими глазами. Если я дремалъ, то онъ подымался на берегу, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его нашли, протягивалъ ко мнѣ посинѣлые пальцы и кивалъ мнѣ страшною головою. Я вздрагивалъ, просыпался и хватался за своего товарища, и припоминалъ, что утопленникъ лежалъ въ точно такой травѣ и точно такихъ же прибрежныхъ кустарникахъ, какіе росли теперь въ двухъ шагахъ отъ насъ. Сосѣдство цѣлой шайки живыхъ разбойниковъ не могло внушить мнѣ столько ужаса, сколько я чувствовалъ отъ одного воспоминанія о мертвомъ матросѣ. Къ полуночи небо очистилось, вѣтеръ упалъ и мѣсяцъ, въ первой четверти, какъ глыба раскаленнаго желѣза, поднялся изъ моря.

«Мы опять принялись, пользуясь невѣрнымъ свѣтомъ, ползать по утесу, желая убѣдиться, не спала ли вода и не открыла ли она намъ дороги домой; но нашли, что вода стояла на той же самой линіи, откуда заставила насъ убѣжать, и что море во всей своей грозной полнотѣ обливало мысъ, на который мы забрались. Мысль обѣ опасности нашего положенія, наконецъ, промелькнула въ моей головѣ. Мы были заключены не на одинъ приливъ, какъ мы думали сначала, но на цѣлую недѣлю. Мало было утѣшительнаго въ этой мысли, особенно, когда она пришла намъ въ голову во время ужасовъ полночи. Я тоскливо глядѣлъ на море: оттуда только мы могли ожидать спасенія. Вдали, въ полутилѣ отъ берега, показался корабль. Я и мой товарищъ принялись кричать, надѣясь, что матросы насъ услышатъ. Мы видѣли сѣроватую массу судна, когда оно проходило въ мѣсячныхъ лучахъ, но скоро оно снова скрылось въ мракѣ, и въ ту самую минуту, какъ мы потеряли его изъ виду, до насъ долетѣлъ крикъ рулевого, мѣшаясь съ плескомъ волнъ. Судно то, какъ мы послѣ узнали, было нагружено камнями и не имѣло при себѣ лодки, а потому и не могло подать намъ помощи, если бы матросы услышали нашъ голосъ и захотѣли въ полночь

плыть къ этой скалѣ. Мы принялись снова кричать, то порознь, то вмѣстѣ, но второго отвѣта не было и, потерявъ всякую надежду, мы возвратились снова въ нашу пещеру и на нашу неспокойную постель... а приливъ росъ да росъ, и волны заплескивали все выше и выше.

«Но такъ какъ въ мѣсячномъ сіяніи утонувшій матросъ меня не такъ уже тревожилъ, то и я, въ свою очередь, уснулъ глубокимъ сномъ и проснулся вмѣстѣ съ товарищемъ только отъ громкаго крика. Это, казалось, былъ сильный крикъ дюжины голосовъ, соединившихся вмѣстѣ. Потомъ послѣдовало молчаніе, за которымъ снова раздался крикъ, и мы увидѣли наконецъ двѣ лодки, наполненные людьми, пристально глядѣвшими на скалы. Весь городокъ всполошился, узнавъ, что два мальчика убѣжали еще утромъ къ южнымъ скаламъ, и не воротились къ ночи».

Нельзя не согласиться, что въ одинъ такой день человѣкъ приобрѣтаетъ много опыта. Но къ природѣ присоединился и другой учитель, менѣе краснорѣчивый и блестящій, но не менѣе понятный для души, одаренной поэзіей: этотъ учитель былъ для Мюллера—преданіе, которое тамъ свято сохраняютъ и съ такимъ уваженіемъ передаютъ своимъ потомкамъ всѣ жители горъ. Поэзія преданій, сохраняемая въ изустномъ, безъискусственномъ разсказѣ, гораздо полнѣе нежели въ самыхъ звучныхъ стихахъ, привлекала къ себѣ душу мальчика. Вотъ что говорить самъ Гюгъ Мюллеръ обѣ этихъ преданіяхъ:

«Я видѣлъ, между прочимъ, двухъ человѣкъ, которые бились при Келлоденѣ (Culloden)—одинъ на сторонѣ короля, другой на сторонѣ принца, и кромѣ того многихъ другихъ, бывшихъ издали свидѣтелями этой битвы. Я говорилъ съ одною старухой, которая, въ свою очередь, говорила со старикомъ, помнившимъ хорошо времена Карла и Іакова. Старшая тетка моей матери, мать моего двоюроднаго брата Жоржа, припоминала стараго Джона Фидди, девяностолѣтняго старика, а Джоновы букинъерскіе подвиги совершились никакъ не позже 1687 года.

«Я зналъ многихъ людей, помнившихъ уничтоженіе наследственности судейской власти, и выслушалъ множество исторій о различныхъ повѣщеніяхъ, совершившихся на окрестныхъ холмахъ, и даже о нѣсколькихъ казняхъ вѣдьмъ и колдуновъ, сожженныхъ на кострѣ. Я чувствовалъ странное наслажденіе, ловя эти отрывки прошлаго, такъ непохожаго на настоящее, и особенно потому, что они передавались какъ личныя воспоминанія, засвидѣтельствованныя тѣми самыми лицами, которые о нихъ говорили. Такіе разсказы имѣютъ необыкновенную, имъ только однимъ свойственную силу. Такъ, на-

примѣръ, все, что я читалъ въ множествѣ книгъ о сожженіи на кострахъ мнимыхъ чародѣевъ, не произвело на мою душу такого глубокаго впечатлѣнія, какъ разсказъ одной старой леди, которую въ 1722 году, когда она была еще ребенкомъ, нянѣка вынесла смотрѣть на страшную церемонію, совершившуюся въ окрестностяхъ Дорноха, и которая, къ счастію, была уже послѣднею въ Шотландіи. Старая леди хорошо помнила молчаливую толпу, стоявшую въ нетерпѣливомъ ожиданіи, блескъ огня и несчастное существо, которое должно было играть главную роль въ этомъ зрелищѣ: это была какая-то полоумная женщина, которая понимала такъ мало, что хотять съ нею дѣлать, что, стоя у огня, преспокойно грѣла руки...

«Воспоминанія моего дѣда о Келлоденской битвѣ были воспоминаніями 14-ти лѣтняго мальчика, смотрѣвшаго на битву въ нѣкоторомъ разстояніи. День, въ который должна была совершиться эта битва, былъ туманенъ и холоденъ, и взобравшись на холмъ Кромарти, гдѣ уже собралось нѣсколько человѣкъ горожанъ, дѣдъ мой увидѣлъ большую равнину, совершенно закрытую туманомъ. Туманъ мало-по-малу разсѣялся; сначала показался одинъ холмъ, потомъ другой, а наконецъ и вся долина начала проглядывать сквозь дымъ тумана. Скоро бѣлое облако вылетѣло со стороны Келлодена и другое полетѣло ему на встрѣчу. Облака смѣшились и вѣтеръ понесъ ихъ на западъ; до слуха зрителей долетала стрѣльба изъ ружей, прерываемая грохотомъ артиллеріи. Скоро облака разсѣялись и улетѣли, удары изъ тяжелыхъ орудій прекратились, и жаркая ружейная перепалка раздавалась по направленію къ Инвернесу. Но мое воображеніе, прислушиваясь къ этому простому и немногосложному рассказу очевидца, видѣло битву во множествѣ самыхъ разнообразныхъ формъ».

Дѣтство миновало и преданія должны были уступить мѣсто практической дѣятельности. Родственники и знакомые молодого человѣка не могли доставить ему другого пути въ жизни, кромѣ того, который они сами избрали: Гюгъ поступаетъ въ ученье къ своему дядѣ и дѣлается каменотесомъ. Но и здѣсь природная наблюдательность не оставляетъ его, и странное наслажденіе камней обращаетъ на себя вниманіе самоучки-геолога.

«Огромная александрийская библіотека, со всѣми ея старыми томами древней литературы, со всѣмъ запасомъ учености, накопленной вѣками, была бѣднымъ собраніемъ въ сравненіи съ дивною книгой, которую раскрывала передо мною природа въ чудныхъ наслажденіяхъ шотландскихъ горъ. Кто, пробывъ хотя одинъ часъ въ этой школѣ, могъ бы не выйти еще изъ нея геологомъ?».

Но тѣлесные труды были не сообразны съ организмомъ молодого человѣка, похожаго болѣе на мать, нежели на отца, «котораго никто и никогда не могъ свалить на землю». Болѣзnenные признаки истощенія развились въ Мюллерѣ быстро и выразились, прежде всего, въ какомъ-то тупоуміи, равнодушіи къ жизни и къ опасностямъ, въ какомъ-то непрерывающемся, полудремотномъ состояніи. Гюгъ долженъ былъ искать себѣ другихъ занятій...

Книга мистера Мюллера вся написана очень живо и интересно, и простота рассказа, иногда дажа довольно грубая, тѣмъ болѣе обнаруживаетъ глубину и истинность мыслей.

4. Ушинскій и крестьяне.

Еще въ дѣтствѣ Ушинскій обнаружилъ демократическія наклонности. Хотя семья его жила по-барски, но родители не мѣшали ему, по крайней мѣрѣ, когда онъ поступилъ въ гимназію, вести знакомство съ бѣдными дѣтьми непривилегированныхъ сословій. Напримѣръ, онъ подружился съ М. К. Чалымъ, часто бывалъ у него и пріобрѣлъ его особенное расположение тѣмъ, что не гордился своими сословными преимуществами, бесѣдовалъ съ его домашними, раздѣляя иногда съ товарищемъ его простой завтракъ. Замѣтили, что разница въ положеніи и обычаяхъ двухъ семействъ была такъ велика, что несмотря на большую и продолжительную дружбу и на частыя посѣщенія Костею Ушинскимъ дома Чалыхъ, послѣдній ни разу не рѣшился посѣтить Ушинскаго въ его домѣ, до самаго окончательнаго экзамена, къ которому товарищи готовились по нѣкоторымъ предметамъ вмѣстѣ¹⁾.

Вѣроятно, постоянный кабинетный трудъ послѣдующихъ лѣтъ, разочарованія въ людяхъ, большая нравственная требовательность къ себѣ и другимъ, все это вмѣстѣ было причиной того, что Ушинскій сдѣлался впослѣдствіи не особенно общителенъ и при первыхъ встрѣчахъ съ людьми проявлялъ нѣкоторую сдержанность и даже суровость. Соплюсь въ этомъ отношеніи на хорошо извѣстные рассказы Семенова, также на воспоминанія Бунакова.

Впрочемъ, эти черты сдержанности обнаруживались у Ушинскаго, кажется, лишь въ отношеніи къ людямъ средняго и высшаго круга общества. Къ представителямъ бѣдныхъ, трудящихся классовъ онъ никогда не терялъ расположения и охотно шелъ къ нимъ на помощь и откровенную бесѣду. Извѣстно, напримѣръ, вниманіе и общительность, которыя, на съездѣ учителей народныхъ училищъ

¹⁾) „Народная Школа“ 1874 г., № 4, стр. 46.

«РУССКАЯ ШКОЛА», № 2, ФЕВРАЛЬ. отд. I.

въ Симферополѣ, проявилъ Ушинскій въ отношеніи къ этимъ скромнымъ работникамъ русской школы.

Особенно искренни и доброжелательны были отношенія К. Д. Ушинского къ крестьянамъ. Недаромъ послѣдніе годы своей жизни онъ хотѣлъ отдать народной школѣ и уже начиналъ передѣлывать «Родное Слово» примѣнительно къ ея потребностямъ.

Интересны воспоминанія крестьянъ о К. Д. Ушинскомъ, которые собралъ И. С. Абрамовъ въ его имѣніи «Богданкѣ»¹⁾ Новгородъ-Сѣверского уѣзда.

— Эхъ добрый, дуже добрый былъ панъ, — рассказывали г-ну Абрамову тамошніе крестьяне, — нехай ему легенько згадается... Рѣдко теперь можно знайти такихъ пановъ. А то вѣрнѣй, — что такихъ пановъ теперь зовсимъ нема.

И. С. Абрамовъ нашелъ въ Богданкѣ стараго, сѣдого казака Корнея, который любилъ съ нимъ поговорить объ Ушинскомъ.

— Мы, бувало, землю у него арендовали, — рассказывалъ Корней, — участками разбирали, такъ шобъ рублей на 50 вышло. Ну, бувало, знаемо, что панъ добрый и пійдемъ къ нему съ просьбой. И только войдемъ въ ковнаты, онъ поздоровкается съ нами за ручку и посадить насъ на стулья. «Што, говорить, скажете, господа». — А намъ сее дивно, шо такій великій панъ господами насъ величае. Ну отъ мы сядемо и станемъ просить: такъ и такъ, — неурожайно теперь очень; аренда-жъ, сами бачите, велика, жить, паночку, не съ чего. Такъ уже просимъ вашу милость, поубавьте немножко. — «На сколько жъ вамъ убавить?» — спрашивается. — Да на половину, если будетъ на то милость ваша. — Подумаетъ, подумаетъ и убавить на половину. — А то, бувало, придетъ къ намъ на работы, попробуетъ нашихъ трудовъ и скажетъ: «Да, братцы, тяжелая ваша работа».

Ушинскій подходилъ, бувало, не только поговорить съ крестьянами, но еще и поработать съ ними: покосить травы, попилить дровъ, попашетъ на пашнѣ и всегда скажетъ: «Да, братцы, тяжелая ваша работа!»

Когда управляющіе нѣсколько притѣсняли крестьянъ, они жаловались Ушинскому. «Панъ завсегда нашу руку тягнулъ», вспоминаетъ Корней. Одинъ управляющій сталъ крѣпко донимать крестьянъ; они написали письмо Ушинскому въ Гатчину, тотъ пріѣхалъ, разбралъ дѣло и удалилъ управляющаго²⁾.

Особенно памятнымъ осталось для крестьянъ, по сообщенію г.

¹⁾ Имѣніе это собственно принадлежало его супругѣ Н. С., урожденной Дорошенко.

²⁾ „Недѣля“ 1901 г., № 8, „На родинѣ Ушинскаго“.

Абрамова, то обстоятельство, что Ушинский, при надѣлѣ ихъ землей, добровольно уменьшилъ выкупную плату на $\frac{1}{5}$ часть.

Изъ источника вполнѣ достовѣрнаго намъ извѣстно, что въ порывѣ великодушія Ушинский хотѣлъ сдѣлать условія выкупа на столько выгодными для крестьянъ, что они должны были оказаться разорительными для его собственной, тогда ничѣмъ не обеспеченной семьи. Только вліяніе близкихъ людей удержало его отъ этого добросердечнаго, но нѣсколько опаснаго для будущаго его семьи поступка.

Корней, какъ видно, хорошо помнилъ, что было, и хронологическую связь и послѣдовательность событий онъ передаетъ совершенно точно, если въ его разсказѣ не было позднѣйшей авторской перестановки.

Народолюбческія стремленія Ушинскаго замѣтно обнаружились и въ голодный 1868 годъ; но подробностямъ объ этомъ мы посвятимъ одну изъ дальнѣйшихъ статеекъ.

О полныхъ любви къ народу статьяхъ его, вызванныхъ манифестомъ 19-го февраля 1861 года, въ которыхъ онъ талантливо и горячо пропагандировалъ распространеніе народнаго образованія, какъ необходимое послѣдствіе реформы крестьянскаго быта и какъ важнѣйшее условіе ея дѣйствительнаго, плодотворнаго осуществленія, мы тоже здѣсь не имѣемъ въ виду распространяться, думая, что статьи эти хорошо извѣстны педагогамъ.

Будучи самъ народолюбцемъ, Ушинский хотѣлъ и русскихъ дѣтей воспитывать въ любви къ народу. Съ этою цѣлью онъ помѣстилъ въ «Дѣтскомъ Мирѣ» большую и памятную всѣмъ читавшимъ эту книгу статью «Поѣзда изъ столицы въ деревню». Но изъ статьи этой исключено впослѣдствіи почти все, что знакомитъ съ крестьянской жизнью: съ тяжелымъ трудомъ, бѣдностью, темнотой, притѣсненіями, среди которыхъ жило наше крестьянство. Выпущена и та часть статьи, въ которой отецъ объясняетъ дѣтямъ значеніе крестьянского труда для государства и даетъ имъ наставленіе работать, когда они выростутъ, для народа.

Нельзя и сомнѣваться въ томъ, что причина этого исключенія была не педагогическая. Очевидно, здѣсь Ушинский имѣлъ дѣло съ требованиями официальной критики, для которой ему приходилось пропустить не только важную часть статьи, но надо было выбрасывать еще и отдельные выраженія, напримѣръ, что крестьянину нужны деньги для того, чтобы платить подати. А такъ какъ съ этимъ выраженіемъ было связано въ дальнѣйшемъ разсказѣ очень хорошее объясненіе, что такое деньги, и для чего они нужны, то пришлось исключить изъ рассказа и этотъ урокъ политической экономіи.

Такъ какъ съ пропущеннымъ интереснымъ мѣстомъ «Дѣтскаго Mира» большинству читателей трудно познакомиться, а оно прекрасно передаетъ любовное отношеніе Ушинскаго къ народу и его взглядъ на задачи воспитанія дѣтей въ этомъ направленіи, то мы и приводимъ здѣсь ту пропущенную часть статьи «Поѣздка изъ столицы въ деревню», въ которой говорится о крестьянахъ. Мы пользуемся для этого 2-мъ изданіемъ «Дѣтскаго Mира» (Спб. 1861 г., ч. 2-я, стр. 13—161).

«Трудовую и нероскошную жизнь ведутъ наши крестьяне въ деревняхъ, но трудами ихъ кормится вся Россія. Изъ такихъ маленькихъ, мрачныхъ, курныхъ избъ выходятъ всѣ тѣ копѣйки и рубли, на которые выстроенъ и живетъ пышный Петербургъ со всѣми своими богатыми лавками и магазинами. Блестящіе пароходы и громадные корабли, которые наши дѣти видѣли на Невѣ, пришли изъ разныхъ государствъ большою частью за хлѣбомъ. Но хлѣбъ въ столицу собирается изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, по рѣкамъ, каналамъ и дорогамъ, изъ всѣхъ этихъ бѣдненькихъ деревень. На подать, которую даетъ крестьянинъ, содержатся блестящія войска, строятся корабли и крѣпости; изъ нея же платится жалованье чиновникамъ. Изъ крестьянскаго оброка строятся великолѣпные дома, покупаются блестящіе экипажи. Такъ маленькие, незамѣтные, роющіеся въ землѣ корешки питаются пышной, душистой розой, гордо качающейся на своемъ тоненькомъ стебелькѣ. Сорвите розу, вместо ея появится другая; повредите корень, весь кустъ завянеть—и пышная роза не будетъ больше гордо качаться на тоненькой вѣткѣ.

«Александръ Сергеевичъ объяснилъ это Володѣ и Лизѣ, и дѣти, которыхъ начали-было уже неосторожно кричать, что въ избѣ и душно, и грязно, и гадко,—пріутихли. Они боялись оскорбить своими замѣчаніями добрую старуху, и съ почтеніемъ смотрѣли на ея морщинистое загорѣлое лицо, на ея изсохшія, черныя руки. Видно было, что она довольно потрудилась въ свою жизнь; а теперь трудятся еще на пользу общую ея мужъ, ея дѣти и внуки.

«Володя былъ мальчикъ умный и добрый. Онъ понялъ, какого уваженія заслуживаетъ эта добрая старая женщина, несмотря на ея истасканный сарафанъ и босыя ноги, и съ удовольствиемъ называлъ ее бабушкою. Ему было пріятно, когда она своей морщинистой, черной, дрожащей рукой погладила его по русой, курчавой головкѣ.

— Вотъ такой бы и у меня былъ теперь парнишко внучекъ! —

сказала при этомъ старушка и глубоко вздохнула,—такой же во-
строглазый и бѣленъкій, да упалъ съ лошади и расшибся.

— Какъ же это случилось, бабушка?—спросила Лиза съ участіемъ.

— Виши-ты, побѣжалъ лошадокъ загонять, а силенки еще не
хватало. И падалъ-то онъ у насъ не разъ, кажись; да въ этотъ
разъ пришлось головою о камень: раскрошалъ совсѣмъ, и на третій
денекъ душу Богу отдалъ. По грѣхамъ нашимъ наказываетъ насъ,
видно, Господь! окончила старушка и еще разъ глубоко вздохнула
всею своею сухою, впалою грудью.

— Боже мой, какое несчастье!—сказала Лиза, и слезы наверну-
лись у ней на глазахъ,—неужели же нельзя было спасти бѣдняжку?
Посылали ли вы, по крайней мѣрѣ, за докторомъ?

— Какие ужъ у насъ дохтура, барышенька моя милая,—отвѣ-
чала ласково старушка,—дохтура въ городѣ, и къ намъ не по-
ѣдутъ. Мочили голову водкой, ажно голосилъ мой касатикъ, и во-
рожею позвали: та шептала, шептала, да не помогло. Видно ужъ
такъ Богу угодно—Его святая воля.

— Но зачѣмъ же было посыпать дитя загонять скотъ?—замѣ-
тилъ Александръ Сергеевичъ.

— А какъ же, баринъ, не посыпать-то,—отвѣчала старуха,—
старшіе на работѣ въ полѣ; прѣбѣжалъ становой, лошадей требуетъ,
кого жъ послать-то? У насъ парнишки не долго балуются; всѣмъ
хлѣбушка нуженъ. Вонъ на палатахъ еще лежатъ пока двое: од-
ному по шестому, другому по пятому году, а годка черезъ три и
тѣ пойдутъ въ работу.

— А въ школу, бабушка?—перебилъ Володя,—когда же они
ходятъ въ школу? когда учатся?

— Нѣть у насъ школъ, кормилецъ. Гдѣ ужъ въ такой де-
ревнушкѣ школы! Вонъ, бають, въ Апраксинскомъ-то, на селѣ,—
чай видѣли, коли мимоѣхали,—завели школу и учителя принаняли.
Приказано, виши-ты, дѣтей грамотѣ учить, да и то невѣсть за-
чѣмъ. Къ чему намъ грамота? Мы люди темные, работящіе; некогда
намъ книги читать. У насъ на деревнѣ и ни одного нѣту-ти гра-
мотнаго, а живемъ же себѣ по милости Божіей не хуже другихъ.
Да у насъ и выучиться-то не у кого; не въ Апраксинское же
посыпать; вѣдь это верстовъ пятнадцать отселева будетъ, а пожа-
луй и больше!

— Какъ странно говоритъ эта старуха, подумалъ про себя
Володя,—не все и поймешь, и прибавилъ вслухъ:—вотъ что зна-
чить жить въ деревнѣ: ни доктора, ни школы, ни учителя, ни
книгъ! Нѣть это не то, что у насъ въ Петербургѣ; тамъ школъ,
учителей и книгъ сколько хочешь—учись только.

— Гдѣ ужъ намъ до Питера, батюшка, проговорила старушка, вздохнувъ,—вонъ ужъ и въ городѣ-то нашемъ, и весь-то онъ не величекъ, есть и дохтура, и учителя, а у насъ и церкви-то нѣту-ти близко,—за шесть верстъ къ обѣднѣ ходимъ. Мы, косатикъ, коли Вѣру, да Богородицу, да Отче Нашъ знаемъ, такъ слава-те Христосъ; съ насъ и будетъ! Знали бы мы свое крестьянское дѣло: пахать да сѣять, жать да косить, сладить соху, срубить избу, справить телѣлу; да мало ли что надо знать въ нашемъ крестьянскомъ дѣлѣ!

— Что же?—сказалъ Александръ Сергеевичъ,—это тоже наука; наука не легкая и полезная. У насъ въ Петербургѣ ей не выучишься, а безъ нея и прожить нельзя. Всякому свое. Вы для насъ, добрые люди, работаете; а мы должны учиться, чтобы умѣть устроить вашу жизнь, какъ можно лучше. Безъ книгъ и безъ ученья тоже жизнь очень дурна,—прибавилъ онъ, обращаясь къ дѣтямъ, когда старушка ушла;—будетъ у насъ больше умныхъ, ученыхъ и образованныхъ людей, тогда и въ этой деревенькѣ, можетъ быть, жизнь сдѣлается лучше, удобнѣе и пріятнѣе. Образованные люди придумали хорошія дороги, шоссе, паровыя машины, каналы, улучшенные земледѣльческія орудія, фабрики. Съ помощью ихъ и въ эту деревню заглянетъ когда-нибудь образованіе, облегчится тяжелый трудъ крестьянина, выстроится школа и появятся здѣсь разныя удобства и удовольствія жизни, о которыхъ теперь и понятія не имѣютъ. Въ Германіи нѣтъ ни одного человѣка, который бы, по крайней мѣрѣ, не умѣлъ читать и писать. Въ Англіи и въ Америкѣ нѣтъ такой маленькой деревеньки, гдѣ бы не было школы. Тамъ уже начали косить, жать, сѣять, даже пахать машинами; а машина облегчаетъ и усиливаетъ трудъ человѣка. Надобно, чтобы и у насъ все это было такъ же. Мы, русскіе, гораздо позже другихъ народовъ начали учиться и во многомъ отстали: намъ надобно догонять. Учитесь же, дѣти моя, и помните, что мы должны чѣмъ-нибудь отблагодарить крестьянъ за тотъ хлѣбъ, которыемъ они насъ кормятъ; а отблагодарить мы можемъ только прилежнымъ ученемъ и честными трудами въ пользу общую. Тотъ изъ насъ, кто ничего не дѣлаетъ и никому не приноситъ никакой пользы—живеть на чужой счетъ: на счетъ этихъ бѣдныхъ людей, трудящихся съ утра до вечера въ поть лица. Стыдно и грѣхъ есть даромъ чей-нибудь хлѣбъ; а еще болѣе хлѣбъ крестьянскій, добытый такими тяжелыми, неусыпными трудами! Не трудясь на поляхъ сами, съ утра до вечера и съ дѣтства до смерти, какъ эти бѣдные люди, имѣя много свободнаго времени, котораго нѣть у крестьянъ,—мы должны употреблять это время на общую пользу. Ты вотъ, Володя, пойдешь

служить; не забывай же никогда, что эти крестьяне поять и кор-
мить тебя; служи честно и заботься о нихъ, сколько станетъ у
тебя силь. Ты, Лиза, вѣроятно, будешь современемъ учить дѣтей;
дѣти, которыхъ выучишь ты, будутъ учить другихъ, и, такимъ
образомъ, образованіе, можетъ быть, дойдетъ и до этой деревеньки,
гдѣ живутъ и трудятся наши истинные кормильцы. Пусть всякий
дѣлаетъ честно свое дѣло и всѣмъ будетъ хорошо. Въ одиночку
человѣкъ и простого гвоздя не сдѣлаетъ. Для крестьянъ нужны
образованные и ученые люди, а ученые и образованные люди не
проживутъ безъ крестьянскихъ трудовъ. Для бѣдныхъ деревень
нужны города и столицы, гдѣ находятся правительство, присут-
ственныя мѣста, войско, университеты, гимназіи, училища, богатые
купцы, фабрики, лавки и магазины: гдѣ живутъ люди, умѣющіе
управлять государствомъ, вести торговлю, устраивать фабрики и за-
воды, рыть каналы, дѣлать желѣзныя дороги и шоссе, строить ко-
рабли, заниматься различными ремеслами, чеканить монету. Но для
городовъ и столицъ еще болѣе нужны деревни и ихъ трудолюбивые,
простые жители. Безъ деревень столицы и города существова-
вать не могутъ; безъ столицъ, городовъ и образованныхъ людей
крестьяне остались бы навсегда грубыми дикарями; а вы вѣрно
читали въ вашихъ книжкахъ, какую жалкую жизнь ведутъ дики.

«Накормивъ лошадей, попрощавшись съ доброй старушкой, отъ
которой дѣти узнали столько полезнаго, хотя она сама и читать не
умѣла,—наши путешественники отправились далѣе. До Карповки
оставалось верстъ двадцать, не больше, и извощикъ надѣялся по-
спѣть туда къ вечеру».

5. Отчего рано скончался К. Д. Ушинскій.

Здоровье К. Д. Ушинского начало разстраиваться очень рано,—
вѣроятно, съ начала переѣзда его въ Петербургъ, климатъ котораго
такъ часто отражается неблагопріятно на здоровье южанъ. Воспо-
минанія лицъ, его знавшихъ, архивные документы представляютъ
намъ Ушинского человѣкомъ или болѣзненнымъ, или совсѣмъ боль-
нымъ, который постоянно имѣетъ дѣло съ врачами, съ лѣченіемъ,
съ исполненіемъ медицинскихъ предписаній. Въ позднѣйшихъ его
письмахъ и рапортахъ то и дѣло говорится, что онъ долженъ ле-
жать въ постели, не выходить изъ комнаты, не выѣзжать изъ мѣста
своего жительства. По состоянію здоровья это былъ несчастнѣйшій
человѣкъ, который не выходилъ изъ рукъ врачей и болѣзней, жи-
лище котораго постоянно превращалось въ больницу, поѣздки кото-
раго обыкновенно приносили за собою болѣзни. Кажется, болѣзни

подстерегали его и набрасывались на него на всѣхъ углахъ и дорогахъ. Постоянное лѣченіе приносило только временное облегченіе отъ страданій, а общее состояніе здоровья становилось прогрессивно все хуже и хуже.

Что подрывало слабыя силы этого человѣка, что неуклонно тянуло его внизъ, подъ гору, къ безвременному концу?

Біографы знаютъ двѣ трагедіи въ жизни Ушинского, которые имѣли роковое вліяніе на его здоровье. Первая—катастрофа въ Смольномъ, когда педагогъ-реформаторъ, изъ допотопнаго училища создавшій въ три года небывалое въ Россіи образцовое женское учебное заведеніе, искренній христіанинъ и патріотъ, послѣ огромныхъ трудовъ по переустройству этого заведенія, долженъ былъ оправдываться отъ тайного доноса въ неблагонадежности и невѣріи и оставить преобразованное имъ училище. Составляя объясненіе на этотъ доносъ, Ушинскій въ одну ночь посѣдѣлъ и сталъ кашлять кровью.

Вторая трагедія—семейное несчастье: старшій сынъ его, Павелъ, юноша, только что блестяще окончившій 2-ю военную гимназію, во время одной прогулки нечаянно нанесъ себѣ смертельную рану изъ револьвера и скончался на рукахъ матери послѣ страшныхъ мученій, незадолго до прѣзда изъ Крыма отца, съ большою пользою для здоровья проведшаго тамъ часть лѣтняго времени. Извѣстіе о смерти сына такъ поразило Ушинского, что онъ упалъ на мѣстѣ и долго не могъ придти въ себя, оправиться и успокоиться.

А. Фроловъ это обстоятельство считалъ окончательной причиной, сломившей слабый организмъ Ушинского.

Подобныя катастрофы несомнѣнно оставляютъ свои тяжелыя слѣды въ состояніи здоровья всякаго. Но когда душевное потрясеніе пережито, то послѣ остается еще возможность возстановленія силъ и продолженія жизни. Опасны для жизни не столько потрясенія, сколько постоянныя неблагопріятныя причины медленно, незамѣтно, но неуклонно разрушающія здоровье. Для Ушинского такой причиной былъ непрерывный, напряженный трудъ, любимый и потому подрывающей силы незамѣтно. Стоитъ только взглянуть на списокъ литературныхъ трудовъ Ушинского, чтобы убѣдиться, какъ, не жалѣя себя, работалъ онъ для распространенія любимыхъ идей, для дѣла русского просвѣщенія. Выводъ, что неустанный трудъ истощилъ преждевременно силы нашего знаменитаго педагога напрашивается самъ собою, если обратить вниманіе на количество работы, исполненной Ушинскимъ, человѣкомъ физически болѣымъ и слабымъ; но до сихъ поръ не было извѣстно прямыхъ указаній такого рода, исходящихъ отъ авторитетныхъ лицъ. Такое вполнѣ авторитетное и доселе неизвѣстное біографамъ объясненіе, что

именно привело К. Д. Ушинского къ ранней смерти, находится въ слѣдующемъ ниже архивномъ документѣ, касающемся конца служебной дѣятельности нашего педагога.

Ушинскій какъ свѣча горѣлъ на работѣ, а эпоха реформъ, какъ вѣтеръ, ускоряла горѣніе этой свѣчи. Увлеченія мыслящаго человѣка связывались въ немъ съ страстью общественного писателя, съ убѣжденiemъ моралиста, считавшаго трудъ первымъ долгомъ и первымъ счастьемъ человѣка. Недаромъ его любимою фразою было: «Я дѣлаю дѣло для дѣла и тружусь для труда» ¹⁾.

Постоянно работая, онъ все выше и выше поднимался въ своемъ развитіи, а вмѣстѣ съ этимъ все шире, безграничнѣе развертывался передъ нимъ горизонтъ дальнѣйшихъ педагогическихъ идей и плановъ. Нашъ знаменитый педагогъ не принадлежалъ къ числу узкихъ специалистовъ, преслѣдующихъ небольшое число ограниченныхъ пѣлей; онъ былъ человѣкъ обширныхъ замысловъ, очень большой инициативы и шелъ впередъ не къ маленьkimъ точкамъ свѣта, а къ тому безконечному совершенству, къ которому влекутъ идеалы человѣчества: трудъ, знаніе и любовь.

Вотъ замѣчательное показаніе обѣя отношеніи Ушинского къ своимъ трудамъ, которое одинъ изъ близкихъ друзей далъ вскорѣ послѣ его смерти: «Ни одно его сочиненіе, какъ мнѣ помнится, не удовлетворяло его; онъ всегда былъ недоволенъ своими произведеніями и безпрестанно ихъ передѣльвалъ въ корректурѣ. Онъ постоянно сомнѣвался въ достоинствѣ своихъ литературныхъ трудовъ и, лишь только они выходили въ свѣтъ, у него уже являлся новый планъ для ихъ исправленія или передѣлки» ²⁾.

Такъ безпрерывно и неустанно работалъ Ушинскій и такъ рано угасъ въ самомъ полномъ развитіи своихъ талантовъ, не успѣвшіи докончить своихъ трудовъ, не осуществивши нѣсколькихъ вполнѣ выработанныхъ плановъ, не высказавши многихъ важныхъ для русской педагогики, вполнѣ созрѣвшихъ въ немъ мыслей.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

«Находившійся у меня въ пользованіи Статскій Совѣтникъ Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій страдалъ хроническимъ воспаленіемъ легкаго (*chronica catarolaris*) и 22 декабря прошлаго 1870 года скончался въ Одессѣ. Свойство его долговременнаго хронического страданія требовало, вмѣстѣ съ хорошими климатическими

¹⁾ „Одесскій Вѣстникъ“ 1871 г., № 6.

²⁾ „Народная Школа“ 1871 г., № 1, стр. 50.

условіями, почти абсолютнаго воздержанія отъ всякой напряженной дѣятельности, и я не могу поэтому сомнѣваться, что именно усиленныя ученыя и литературныя работы г. Ушинскаго, которыми ознаменовались послѣдніе годы его жизни и которыя дѣлаютъ ему столько чести какъ педагогу и литератору, съ медицинской точки зрењія были для него пагубны, потому что онъ истощили его слабыя физическія силы и были поэтому существенною причиною его преждевременной кончины. Въ удостовѣреніе чего дано это свидѣтельство за мою подписью и приложеніемъ печати. Киевъ, января 7 1871 года.

Экстраординарный профессоръ Университета св. Владимира,
Докторъ медицины Алексѣй Шкляревскій».

В. Чернышевъ.
